

Петр Филиппович Якубович

Политические письма

Петр Якубович
Политические письма

«Public Domain»

1884

Якубович П. Ф.

Политические письма / П. Ф. Якубович — «Public Domain», 1884

«...Время Исполнительного Комитета, имя которого, конечно, успело сильно популяризироваться и потому должно остаться в революционной истории, хотя бы и в виде фикции, тем не менее, миновало; в действительности, в Исполнительном Комитете, как в особой группе, стоящей вне местных интересов и руководящей ходом дел, в такой группе нужды больше не имеется; она только тормозила бы широкий рост революционной организации, революционной мысли и инициативы...»

Содержание

Письмо к товарищам, апрель 1884 г	5
Письмо Л.А.Тихомирову	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Петр Якубович

Политические письма

Письмо к товарищам, апрель 1884 г

В виду крайней серьезности настоящего момента, требующего немедленного соглашения всех деятелей и немедленной выработки общего организационного плана, а также в виду настоятельной потребности выступить, наконец, перед обществом с действительно солидной и отчетливо формулированной программой работы партии и тактики ее по отношению к различным слоям населения, мы, нижеподписавшиеся члены различных организаций, считаем своей нравственной обязанностью высказать наш взгляд на современное положение дел, на средства разрешить путаницу и гарантировать будущее от подобного же хаоса. Это тем более наш нравственный долг, что мы не имеем никаких осязательных данных для слепой веры в то, что юридически существующий центр стоит на правильном пути к разрешению этих сложных вопросов и обладает для того достаточными силами.

Прежде всего, во избежание всяких недоразумений в будущем, мы категорически заявляем, что впредь не допустим никакого соприкосновения С.П. Дегаева с действующей внутри России организацией, как человека, принесшего, по нашему глубокому убеждению, делу русской революции страшный вред, как фактический, так еще более нравственный, как человека, сознательно тормозившего стремление активных сил к организации и борьбе с врагом и ровно ничем не искупившего своей вины перед партией и родиной. Из подобного взгляда на С. Дегаева естественно вытекает и наш взгляд на так называемый революционный съезд 17-:19 октября 1883 г. и на его решения. Мы отнюдь не протестуем против самого факта съезда, потому что в этом смысле считаем его вполне законным и необходимым, но, во-первых, на нем присутствовало меньшинство лиц, имевших на то полное право, меньшинство, находившееся к тому же в течение, целого года под деспотическим произволом одного человека, занявшего такое положение в партии единственно в силу своих законных связей, а не благодаря нравственной силе или умственному превосходству. Во-вторых, созыв съезда произошел так внезапно и притом с такими предупреждениями и просьбами не поднимать таких-то и таких-то вопросов, что притти к каким-либо свободным и неизменным решениям съезд не мог. И действительно, предложение избрать Распорядительную комиссию с диктаторскими полномочиями, сразу указавшее на лицо, которое будет президентом этой комиссии, было естественным и неизбежным концом съезда. Программный вопрос, обсуждавшийся, действительно с большей свободой нежели организационный, также, в конце концов был скомкан и недостаточно ясно разработан. Плоды подобной постановки дела вскоре сказались. Право диктатуры, предоставленное комиссии членами съезда в известных только пределах и, во всяком случае, неясно формулированное, фактически стало полным правом. Остальные члены собрания обратились в сырой материал, которым комиссия могла распоряжаться по своему усмотрению. Право комиссии самостоятельно пополняться новыми членами, также не вполне ясно формулированное, право – очень опасное, в виду малочисленности комиссии – обратилось также в факт. Она стала какой-то несменяемой диктатурой. Но несмотря на все это, мы свято повиновались решениям съезда до тех пор, пока видели к этому малейшую нравственную возможность, пока доверяли главе комиссии. Теперь положение дел иное; карты, в которые с нами шла игра в течение целого года, раскрыты, и мы считали себя в настоящую минуту, если не единственными вершителями революционных судеб России, то призванными к революционному делу с тем же правом голоса, как и кто бы то ни было. Глубоко уважая некоторых лиц из центра, существующего в России и за границей, мы не можем, тем не менее, скрывать от себя и

от них (в общественных делах такого серьезного характера нет места какой-либо ложной деликатности, щепетильности), что первые составляют меньшинство деятелей в России, слабое не только по количеству, но и по средствам, какими оно располагает, – что же касается вторых, находящихся за границей, то еще раз заявляем о нашем глубоком уважении к некоторым из них, остальные же или совершенно неизвестны нам по своему революционному прошлому или так давно выехали из России, что могут вступить, как нам кажется, в действующую организацию только на равных правах со всеми начинающими работниками.

Таким образом желания наши заключаются прежде всего в следующем: № 10 "Народной Воли", которому мы придаем громадное значение, должен быть составлен не остатками Распорядительной комиссии и ее литературных агентов и тем более не за границей (на том основании, что № 10 должен иметь в высшей степени жизненный и боевой характер), а здесь, в России и с ведома представителей всех работающих в России групп. Особенно это имеет по отношению к передовой статье. В данном случае не может быть и речи о какой-либо редакции, в дела которой мы не имели бы права вмешиваться. Во-вторых, серьезно обдумав настоящее положение дел, мы пришли к такому взгляду на организацию партии "Народной Воли". Строгий централизм в революционных делах, по нашему убеждению, безусловно необходим, как и прежде, но на несколько иных основаниях.

Время Исполнительного Комитета, имя которого, конечно, успело сильно популяризоваться и потому должно остаться в революционной истории, хотя бы и в виде фикции, тем не менее, миновало; в действительности, в Исполнительном Комитете, как в особой группе, стоящей вне местных интересов и руководящей ходом дел, в такой группе нужды больше не имеется; она только тормозила бы широкий рост революционной организации, революционной мысли и инициативы. Централизация "Народной Воли" должна быть построена, по нашему мнению, на совершенно иных началах. Центр партии должен состоять в настоящее время из суммы местных центров, т. е. из представителей местных групп. Орган единства и самосознания этого центра – революционный съезд, периодически собирающийся и состоящий из 5-10 человек, из которых каждый заручается полномочиями от своей группы, за пределы которых не может выходить. Все функции революционной деятельности (что легко понять), сводятся к функциям чисто местного характера и значения: местный террор, издание местных революционных органов, типографское и паспортное дело, пропаганда и агитация в обществе, в молодежи, в рабочих кассах и т. д. Только две функции выходят из пределов местных интересов и обнимают интересы всей партии, имеют общее революционное значение: издание центрального революционного органа, в котором, в литературной форме, выражается единство и самосознание партии, и ведение общеполитического и, быть может, общесоциального террора, но это вовсе не такие функции, чтобы из-за них следовало создавать какой-то срединный центр с диктаторскими полномочиями. Съезд может избрать из своей среды 1–2 личности наиболее интеллигентные и, так сказать, литературные, которым и поручит, совершенно самостоятельно, составить центральную редакцию и вести литературное дело. Контролем над редакцией будет следующий съезд, который может снова утвердить избранных перед тем литературных агентов и может сменить их.

Тот же съезд избирает из среды своей нескольких лиц, которым поручает создание боевой дружины, и такая боевая дружина будет только исполнительным органом съезда, обсуждать же общий характер террора и даже намечать лиц, подлежащих казни, может только съезд. Гарантией тайны подобных решений и приговоров будет малочисленность членов съезда, их строгий подбор и строгая централизация местных групп. Наконец, что касается сношений между организациями, то в настоящее время, а равно и в ближайшем будущем таких организаций предвидится не бесчисленное количество, и гораздо удобнее, быстрее и конспиративнее будет самостоятельное сношение их друг с другом, без всякого посредства каких-либо центральных бюро. В заключение мы предлагаем немедленный съезд после выпуска № 10, приготовляться

же к этому съезду (в смысле намерения лиц, выбора места, изыскания денежных средств и т. п.) следует, по нашему мнению, начать теперь же.

Письмо Л.А.Тихомирову

СПБ. 31 октября 1884 г.

Сегодня, 31 октября (по старому стилю) получил я, наконец, ваше письмо, и, право, оно влило в меня новую бодрость и силу, – конечно, не фактами, которые прискорбны, а своей верой в дело и готовность продолжать его во что бы то ни стало, хотя бы рок сулил нам еще не один раз втаскивать на верх горы камень Сизифа. – Словом, *la revolution est morte, vive la revolution!* Но задумываться, тем не менее, приходится, и даже очень серьезно. Обо всем трудно написать стразу. – Относительно ареста Григ. Петр. ходит множество вариантов: то, будто, взят он в мин. гос. имущ., то при выходе из госуд. банка. – Последнее правдоподобнее. Указал на него какой-то признавший чин. – на него напало сразу шесть человек, и он не успел уничтожить имевшихся при нем адресов (по слухам из официальных сфер, числом 28) Последнее – факт, так как "мне удалось видеться с одной выпущенной особой, взятой именно потому, что ее адрес был найден у Гр. Петр. Евгению Александровну взяли, очевидно, или во время свидания с ним или несколькими минутами позже. Квартиру ее нашли только три дня спустя (на Озерной ул.). Его квартиру открыли, предъявив карточки дворникам. Фамилии обоих известны. В квартире Гр. Петр. взяли 50 экз. 10 №, целый склад разных изданий и (это, кажется, верно) динамит и даже готовые бомбы. На днях, слышно, его камеру посетил Толстой. Царю донесли об аресте видного революционного вожака в ту минуту, когда он собирался в оперу – он немедленно ускакал в Гатчину... Более, или менее интересных подробностей процесса сообщить не могу – сам не знаю. Но вчера разнесся слух, что Ашенбреннер подал прошение о совершении над ним смертной казни, после отказа дал пощечину кому-то из начальства – и расстрелян; что летом расстреляли за то же Минакова в Шлиссельбургской крепости, вы, конечно, знаете. Здесь массовые аресты прекратились. Из 150–200 человек, арестованных между 6–15 числами (по нашему счету), большинство уже выпущено. Тогда арестован еще нелегальный Михаил Сабунаев, 12-го народный учитель Скворцов, на днях снова взят Алексей Кирпичников. Еще в июле арестован в Павловске прапорщик Губаревич – Рыдабыльский. Уличного шпионства в Питере я подобного не запомню. Сегодня получено известие, что в Москве взято на днях 29 человек. Раньше несколько, но после 6 октября, арестован там студент Петровской академии Виктор Беляевский, теперь его сестра Зоя. В Харькове, в начале октября, слышно, взято пятеро видных людей, между прочим, будто бы, нелегальный Иванов (Сергей). Шифрую указанным вами ключом: *связи с Юга никакой, с Москвой теперь*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.